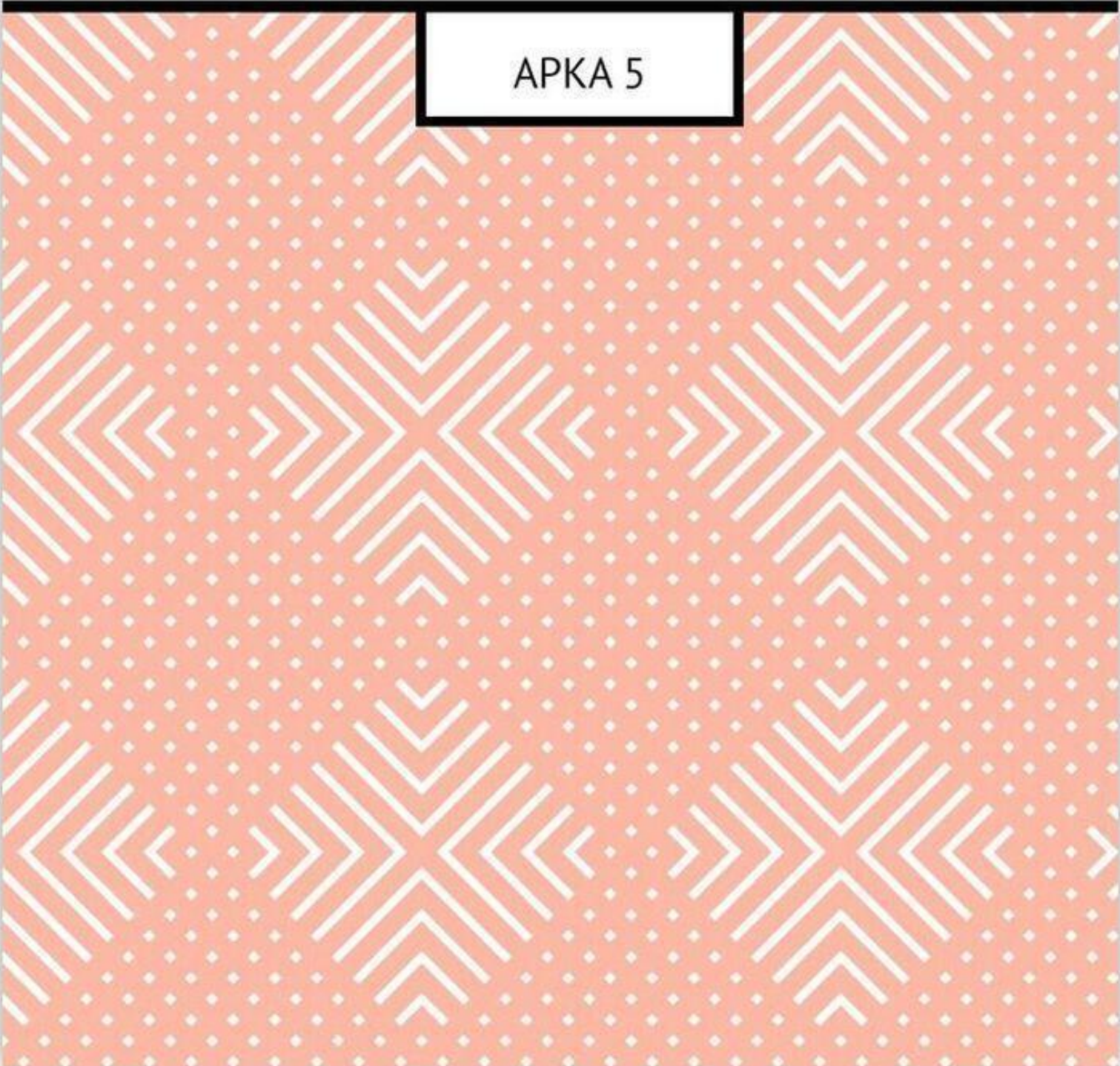

18+

ЮРИЙ ДРАЗДОВ

Некромант в белом халате

АРКА 5

Юрий Драздов

Некромант в белом халате. Арка 5

«Издательские решения»

Драздов Ю.

Некромант в белом халате. Арка 5 / Ю. Драздов — «Издательские решения»,

Лев Мечников, бывший хирург-трансплантолог, ныне — Некромант: мертвец, функционирующий благодаря двум сердцам, паразитической сети и некротической энергии. Вместе со своей парой Лерой, носительницей нейро-спинального комплекса павшего врага, он выживает в мире, разрушенном вирусом «Гнев Божий», — мире, где общество отторгает всё инородное. Изгнанные из последнего убежища людей под именем «Чумная пара», они движутся к «Прометею», чтобы уничтожить «Бионикой» — корпорацию, породившую катастрофу.

© Драздов Ю.

© Издательские решения

Содержание

Глава 1: Чумная пара	6
Часть 1: Обнаружение	7
Часть 2: Прибытие	11
Часть 3: Врач и Хищник	15
Часть 4: Инцидент	18
Часть 5: Приговор	20
Часть 6: Исход	23
Часть 7: Последний взгляд	26
Глава 2: Аномалия	29
— — Часть 1: Невозможный симптом	30
Конец ознакомительного фрагмента.	32

Некромант в белом халате

Арка 5

Юрий Драздов

© Юрий Драздов, 2026

ISBN 978-5-0070-0550-0

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Глава 1: Чумная пара

Хирургия учит нас, что организм отторгает инородное тело. Это фундаментальный закон, на котором построена вся трансплантология. Иммунная система, этот слепой и безжалостный страж, не спрашивает, с благими ли намерениями вживлён новый орган. Она не оценивает его полезность. Она просто атакует всё, что не распознаёт как «своё». Мы, трансплантологи, тратим годы на то, чтобы обмануть этот механизм. Мы глушим иммунитет препаратами. Мы подбираем доноров с идеальной совместимостью. Мы модифицируем ткани, чтобы сделать их невидимыми для защитников организма.

Но что происходит, когда инородным телом становится не орган, а сам человек? Когда иммунная система, которую мы называем обществом, распознаёт тебя как чужеродный элемент и мобилизует все свои ресурсы, чтобы исторгнуть тебя? Тогда никакие препараты не помогают. Никакая совместимость не спасает. Ты можешь быть идеально функциональным. Ты можешь быть единственным, кто способен исцелить. Но если общество классифицировало тебя как «чужого», приговор уже вынесен.

Сегодня я узнал это на собственной плоти. Сегодня мир — тот самый мир, который я пытался защищать и исцелять, — изверг нас с Лерой из себя, как гнойник извергает инфекцию. Мы стали тем, чем стали, и за это нас называли Чумной парой. За это нас изгнали в Пустошь. За это нас приговорили к свободе.

Часть 1: Обнаружение

Разведчики вернулись на рассвете. Или в то, что Система считала рассветом, — лампы в бункере только что перешли из ночного режима в дневной, окрашивая коридоры в холодный, стерильный белый цвет. Я находился в командном центре, анализируя последние данные о регенерации моего «Сердца берсерка». Заживление шло быстрее, чем прогнозировалось. Ещё несколько дней, и оно вернётся к полной мощности, позволив «Сердцу Архивариуса» уйти в фазу покоя. Тогда моя автономность станет не просто абсолютной — она станет избыточной. Два сердца, два независимых источника, два контура, поддерживающих друг друга в вечном, самоподдерживающемся цикле.

Мысль об этом вызывала во мне что-то отдалённо напоминающее удовлетворение. Не радость — я научился радоваться в человеческом смысле. Но покой. Уверенность. Ощущение, что моё тело функционирует именно так, как должно. Что я достиг того, чего не достигал ни один некромант до меня.

Дверь командного центра открылась, и я услышал знакомый ритм сердцебиений. Санитар-2-Бегун — его кардиостимулятор работал с частотой восемьдесят два удара в минуту, выше нормы, что указывало на недавнюю физическую нагрузку. Пульс — его три сердца бились в синхронизированном ритме, который я научился распознавать как «удовлетворение после бега». И Аякс — его человеческое сердце, медленное и тяжёлое, с частотой шестьдесят четыре удара в минуту. Они вошли вместе, и я, не оборачиваясь, уже знал, что разведка принесла результаты. Потому что их шаги были не шагами уставших бойцов, а шагами людей, которым есть что доложить.

— Доктор, — произнёс Аякс, и его голос был напряжённым, но не встревоженным. Скорее, заинтригованным. — У нас новости. Хорошие. Или необычные. Сам решай.

Я развернулся от тактической карты и посмотрел на них. Санитар-2-Бегун, всё ещё покрытый пылью и ихором после патрулирования, замер у двери, его оптический сенсор горел ровным зелёным светом. Пульс, не дожидаясь разрешения, подошёл ко мне и положил голову на моё колено. Через эмпатическую связь он передал мне пакет образов. Тёплые огни. Запах дыма и готовящейся еды. Голоса — не крики, не рёв мутантов, а человеческая речь, спокойная и размеренная. И ещё что-то. Стены. Высокие, укреплённые, с баррикадами из машин и мешков с песком. Поселение. Крупное.

— Мы нашли выживших, — сказал Аякс, хотя я уже всё понял. — Несколько сотен человек. Укреплённое поселение на старом заводском комплексе в секторе девять-каппа. Они называют себя «Ковчег-7». Гражданские, в основном. Есть охрана, есть какая-то администрация. Мы не вступали в контакт — только наблюдали. Но их радиовышка активна. Они передают призыв о помощи и предлагают обмен. Медикаменты на еду, оружие на информацию. Обычная схема выживания.

Я активировал тактическую карту и приблизил сектор девять-каппа. На старых спутниковых снимках, загруженных Системой ещё до катастрофы, там значился промышленный комплекс — завод по переработке металла, окружённый складами и административными зданиями. Идеальное место для поселения: прочные бетонные конструкции, высокие заборы, ограниченное количество входов, которые легко оборонять.

— Несколько сотен человек, — повторил я, анализируя данные. — Это самое крупное скопление выживших, которое мы встречали за всё время. Откуда они взялись?

— Похоже, они стягивались туда постепенно. Беженцы из города, рабочие с завода, какие-то военные из разбитых частей. У них нет единого лидера — совет, несколько человек. Один из них врач, судя по нашивкам на рукаве. Другой — бывший инженер. Третий — что-то вроде священника. Довольно странная компания.

— Священник? — переспросил я. Это слово звучало почти архаично. Религия была одной из первых жертв катастрофы — когда Гнев Божий обрушился на мир в буквальном смысле, вера в высшие силы либо исчезла, либо мутировала во что-то тёмное.

— Ну, не в рясе с крестом. Но он говорит как священник. Про божью кару, про искупление, про то, что выжившие — избранные. Обычная история для апокалипсиса. Людям нужно во что-то верить, когда всё остальное рушится.

— И они предлагают обмен, — подытожил я. — Медикаменты на еду, оружие на информацию.

— Да. Но есть нюанс. — Аякс посмотрел на меня, и его взгляд был серьёзным. — Они не просто предлагают обмен. Они приглашают. Их радиопередача говорит, что они принимают новых членов. Тех, кто может быть полезен. Тех, кто готов работать на общее благо. Они строят что-то вроде нового общества. И это либо шанс, либо ловушка.

Я задумался. Моя аналитическая часть уже просчитывала варианты. С одной стороны, крупное поселение означало ресурсы. Информацию. Возможно, технологии, которые мы не могли добыть в одиночку. С другой — оно означало контакт. Взаимодействие с людьми, которые не видели меня и Леру, которые не знали, кем мы стали. Взаимодействие, которое требует от нас скрывать свою природу или, наоборот, раскрыть её — и тогда столкнуться с последствиями.

Дверь открылась, и вошла Лера. Она была в тренировочном костюме, её волосы собраны в тугую пучок, на лбу — капли пота. Она только что закончила очередную тренировку с Санитарами и выглядела спокойной, сосредоточенной, почти безэмоциональной. Но я заметил, как её взгляд скользнул по тактической карте и задержался на красной точке, обозначавшей «Ковчег-7».

— Выжившие, — произнесла она, и это был не вопрос. Она всё поняла, едва войдя. Через эмпатическую связь я почувствовал, как внутри неё что-то происходит. Не эмоции — она почти утратила их, — но что-то близкое. Настороженность. Хищник в ней оценивал новую информацию и готовился к возможной угрозе.

— Крупное поселение, — подтвердил я. — Предлагают обмен. Приглашают новых членов.

— Новых членов, — повторила она, и в её голосе прозвучала едва уловимая ирония. — Значит, они хотят, чтобы мы вошли в их общество. Стали частью их... коллектива.

— Возможно. Но также возможно, что это просто разумная стратегия выживания. Чем больше людей в поселении, тем выше его обороноспособность. Они ищут полезных членов. А мы можем быть полезны.

— Мы можем быть полезны, — согласилась она. — Но полезны как кто? Как врач и его ассистент? Как бойцы? Или как симбиотическая пара с двумя сердцами, некротической сетью и псом-фамильяром? Как они воспримут нас, когда увидят, кто мы на самом деле?

— Мы не обязаны раскрывать всё сразу, — ответил я. — Мы можем наблюдать. Оценить их. Решить, стоит ли контакт риска.

— Риск, — произнесла она, и её глаза сузились. — Ты говоришь о риске. Но для кого? Для нас — или для них?

Вопрос повис в воздухе. Я не ответил сразу, потому что ответ был сложным. С одной стороны, мы действительно представляли потенциальную опасность для любого человеческого сообщества. Мы были переносчиками некротической энергии. Мы были существами, которые функционировали за пределами жизни и смерти. Мы были тем, что люди называли бы чудовищами. С другой стороны, мы были также и целителями. Защитниками. Мы могли принести им пользу, которую никто другой не мог предложить. Вопрос был в том, перевесит ли польза страх. И я не знал ответа.

— Завтра, — сказал я наконец. — Мы направимся туда завтра. Я, Лера, Пульс и Санитар-2-Бегун в качестве эскорта. Аякс и Майя останутся в бункере. Мы оценим ситуацию и примем решение о дальнейших действиях.

— А если они попытаются напасть? — спросила Лера.

— Тогда мы защитимся. Но я надеюсь, что до этого не дойдёт. Я врач, Лера. Моя функция — исцелять, а не убивать, если убийства можно избежать.

— Твоя функция изменилась, — тихо ответила она. — Как и моя. Но я понимаю твою осторожность. Мы пойдём. Посмотрим. Оценим. А потом решим.

Она развернулась и вышла из командного центра. Аякс проводил её взглядом и повернулся ко мне.

— Она права, доктор. Вы оба изменились. И люди это заметят. Не сразу, но заметят. Вы не можете вечно притворяться нормальными.

— Я и не собираюсь притворяться вечно. Я хочу понять, есть ли ещё в этом мире место для таких, как мы. Или мы окончательно стали инородным телом, которое общество неизбежно отторгнет.

— А если отторгнет?

— Тогда мы будем функционировать автономно. Как функционировали раньше. Но я должен попытаться. Потому что если есть шанс, что мы можем быть не только убийцами и хищниками, но и врачами, — я должен его использовать.

Аякс кивнул и вышел. Я остался в командном центре один. На тактической карте красная точка «Ковчега-7» пульсировала, как далёкий маяк. Где-то там, в бетонных руинах, несколько сотен человек жили, дышали, надеялись. И где-то там, возможно, ждал ответ на вопрос, который мучил меня уже несколько недель. Есть ли ещё место для человечности? Или мы потеряли её навсегда?

Часть 2: Прибытие

Утро следующего дня застало нас в дороге. «Горгона», загруженная медикаментами для обмена, неслась по разрушенным улицам, объезжая завалы и остовы мёртвых машин. За рулём сидел я, хотя управление было почти полностью автоматическим — Система вела транспорт по маршруту, проложенному на основе разведданных. Лера сидела рядом, проверяя оружие. Пульс лежал на заднем сиденье, положив голову на лапы. Санитар-2-Бегун следовал за нами на некотором расстоянии — его гидравлические ноги позволяли ему не отставать от «Горгоны» даже на пересечённой местности.

Мы миновали несколько кварталов, которые раньше были зоной активных боевых действий. Теперь здесь царила тишина. Эпидемия «Агрессия», бушевавшая несколько недель, пошла на спад — мутанты, пережившие её, разбежались по норам, зализывая раны. Улицы, ещё недавно заполненные обезумевшими тварями, были пусты, если не считать редких трупов, уже начавших разлагаться. Солнце, пробивавшееся сквозь вечный смог, окрашивало руины в бледно-жёлтый цвет.

— Мы приближаемся, — сообщил я, когда навигатор показал, что до цели осталось меньше километра. — Они уже должны нас засечь.

— Засекли, — подтвердила Лера, указывая на крышу одного из зданий. Там, среди обломков, мелькнул силуэт — человек с биноклем. Наблюдатель. — Они следят за нами уже минут пять. Профессионально. Значит, у них есть военные.

— Или просто осторожные выжившие.

— Осторожные выжившие не ставят наблюдателей на крышах. Это военная тактика. Кто-то из их бывших — из армии. Или из «Бионикой».

— Или из полиции. Или из ополчения. Не будем делать поспешных выводов.

— Я не делаю выводов. Я оцениваю угрозу.

«Горгона» свернула на последний прямой участок, и перед нами открылся вид на «Ковчег-7». Это действительно был заводской комплекс — огромное здание из серого бетона, окружённое высоким забором, усиленным баррикадами из автомобилей, металлических листов и мешков с песком. На воротах висел самодельный флаг — белая ткань с нарисованным от руки символом, который я не сразу распознал. Кадуцей? Нет. Просто крест в круге. Символ медицины, переосмысленный для апокалипсиса.

У ворот нас встретили. Шестеро охранников с разномастным оружием — автоматы, дробовики, даже один арбалет. Они не выглядели угрожающе, но держались настороженно, как люди, привыкшие к тому, что любой контакт может оказаться смертельным. Впереди стоял мужчина лет пятидесяти, седой, с грубым, обветренным лицом и цепкими серыми глазами. На его рукаве была нашивка с тем же крестом в круге, а на поясе — пистолет в кобуре.

— Стоять, — произнёс он, и его голос был твёрдым, но не враждебным. Голос человека, который привык отдавать приказы, но не наслаждается властью. — Кто вы и что вам нужно?

Я вышел из «Горгоны» первым. Медленно, держа руки на виду — безоружными, если не считать когтя, который я намеренно спрятал под длинным рукавом плаща. Мой имплант-глаз, скрытый за тёмными очками, сканировал окружающую обстановку. Охранники. Укрепления. Тепловые сигнатуры в зданиях — сотни людей, живых, тёплых. Это действительно было крупнейшее поселение выживших, которое я видел.

— Мы — группа выживших, — ответил я. Мой голос, модулированный имплантами, звучал ровно и спокойно, без эмоциональных интонаций, которые могли бы выдать мою природу. — У нас есть медикаменты для обмена. Мы услышали вашу радиопередачу и решили, что можем быть полезны друг другу.

— Медикаменты? — серые глаза мужчины прищурились. — Какие именно?

— Антибиотики широкого спектра. Анальгетики. Противовоспалительные. Хирургический инструментарий. Материалы для перевязок. Всё стерильно, в заводской упаковке. Мы нашли склад несколько недель назад и готовы поделиться.

Мужчина переглянулся с одним из охранников — молодым парнем с дробовиком, который нервно переминался с ноги на ногу. Затем снова повернулся ко мне.

— Я Михаил, — представился он. — Глава охраны. У нас есть протокол для таких ситуаций. Вы сдаёте оружие на входе. Вас обыскивают. Затем вас проводят в гостевой блок, где вы ждёте, пока Совет решит, что с вами делать. Если вы согласны — добро пожаловать. Если нет — разворачивайтесь и уезжайте.

— Я врач, — сказал я. — Мой скальпель — это моё оружие. Но я готов сдать всё остальное.

— Врач? — глаза Михаила блеснули интересом. — У нас есть врач. Вернее, фельдшер. Но нам всегда нужны руки. Особенно те, которые умеют держать скальпель. Как вас зовут?

— Лев Мечников. Раньше работал в городской больнице. Хирург.

— А ваша спутница?

Лера вышла из «Горгоны» вслед за мной. Она двигалась плавно, контролируя каждое движение — так, как мы договорились заранее. Никакой сверхчеловеческой скорости. Никаких резких жестов. Обычная женщина, разве что слишком спокойная для человека, въезжающего в незнакомое поселение.

— Лера, — коротко представилась она. — Медсестра. Ассистирую ему.

— А собака?

— Пульс, — ответил я. — Ищейка. Помогает находить выживших.

Михаил осмотрел Пульса с ног до головы. Пёс сидел неподвижно, его жёлтые глаза были устремлены на главу охраны, но в них не было агрессии — только спокойное, оценивающее

внимание. Я знал, что Пульс выглядит необычно — слишком крупный, слишком мускулистый, с шрамами, проглядывающими сквозь шерсть. Но Михаил, похоже, списал это на породу. Или просто решил не задавать лишних вопросов.

— Хорошо, — сказал он наконец. — Сдайте оружие. И проходите.

Мы сдали пистолеты-пулемёты, которые Лера держала наготове. Мой коготь, как я и ожидал, не вызвал подозрений — под длинным рукавом он был незаметен. Санитара-2-Бегуна я оставил в «Горгоне» — его присутствие могло вызвать слишком много вопросов, а мне не нужны были лишние осложнения на этом этапе.

Нас провели через ворота и повели по территории поселения. Внутри «Ковчег-7» оказался гораздо более организованным, чем я ожидал. Люди — мужчины, женщины, даже несколько детей — занимались повседневными делами. Чинили одежду. Готовили еду на самодельных печах. Носили воду из цистерны, установленной в центре двора. Они выглядели... нормально. Не истощёнными, не обезумевшими, не сломленными. Просто уставшими людьми, которые пытались построить что-то в мире, где всё рухнуло.

На нас смотрели. Кто-то с любопытством. Кто-то с подозрением. Дети показывали пальцами на Пульса и что-то шептали друг другу. Одна женщина, увидев меня, перекрестилась — быстрый, нервный жест, словно она отгоняла злых духов. Я заметил это и записал в памяти: «Субъект женского пола, возраст около сорока, религиозна, испытывает иррациональный страх перед незнакомцами». Полезная информация для дальнейшего анализа.

Гостевой блок оказался небольшой комнатой в бывшем административном здании. Стол, несколько стульев, койки с армейскими одеялами. Окно выходило во внутренний двор, и через него я мог наблюдать за жизнью поселения. Лера села на одну из коек и начала методично проверять свои медицинские инструменты — привычка, которую она приобрела после трансплантации и от которой не могла отказаться даже сейчас. Пульс лёг у двери, настороженный, но спокойный.

— Они боятся, — тихо сказала Лера, не отрываясь от своего занятия. — Я чувствую это. Запах адреналина. Учащённые сердцебиения. Они смотрят на нас и видят что-то... необычное. Что-то, что они не могут объяснить.

— Мы действительно необычны, — ответил я. — Но пока они не знают, насколько. Мы должны быть осторожны. Никаких резких движений. Никакой сверхчеловеческой скорости. Ты — просто медсестра. Я — просто врач. Поняла?

— Поняла. — Она подняла на меня глаза, и в них промелькнуло что-то похожее на иронию. — Ты просишь меня притворяться человеком. Это забавно.

— Забавно?

— Забавно в том смысле, что когда-то ты просил меня принять то, кем я стала. Теперь ты просишь скрывать это. Мы прошли полный круг.

Я не ответил. Потому что она была права. Когда-то, в медицинском отсеке, я уговаривал её не бояться своей новой природы. Теперь я просил её спрятать её. Это было противоречиво. Но противоречия — это часть существования. Даже такого, как наше.

Через час за нами пришли. Михаил и ещё двое охранников провели нас в зал Совета — бывший конференц-зал с длинным столом, за которым сидели три человека. В центре — сам Михаил. Слева от него — пожилой мужчина с измождённым лицом и в очках с треснутым стеклом. Справа — женщина лет тридцати пяти, одетая в чистый, хоть и поношенный, медицинский халат.

— Это Совет, — представил Михаил. — Сергей, наш инженер. И Анна, наш врач. Я представляю безопасность. Мы выслушаем вас и решим, что делать дальше.

Я кивнул и сел на предложенный стул. Лера осталась стоять за моей спиной — она предпочла роль наблюдателя, и это было правильным решением. Чем меньше она говорила, тем меньше шансов, что её природа будет раскрыта.

— Расскажите о себе, — начала Анна. Её голос был усталым, но в нём чувствовался профессионализм. Женщина, которая привыкла работать с людьми. — Где вы были всё это время? Как выжили? И главное — что вы умеете делать?

Я рассказал им сокращённую версию нашей истории. Бункер. Группа выживших. Битвы с мутантами и «Бионикой». Я намеренно опустил детали, которые могли бы их напугать. Ни слова о моей мёртвой природе. Ни слова о трансплантации. Ни слова о том, что Лера — больше не просто медсестра, а симбиот с нейро-спинальным комплексом врага. Я говорил о нас, как о людях, которые научились выживать в этом мире благодаря навыкам и удаче.

— Хирург, — произнесла Анна, когда я закончил. — Вы говорите, что вы хирург. У нас есть пациенты, которым нужна операция. Сложная. Я вправляю вывихи и зашиваю раны, но я не хирург. Если вы действительно умеете оперировать, вы нам нужны.

— Я готов работать, — ответил я. — Покажите мне ваших пациентов.

— Сейчас? — удивился Сергей, инженер. — Вы только прибыли. Может, отдохнёте?

— Отдых — это для живых. — Слова вырвались раньше, чем я успел их остановить. Я увидел, как лицо Сергея дрогнуло — он заметил странность формулировки, но не прокомментировал. — Я хочу быть полезным.

Анна переглянулась с Михаилом. Тот кивнул.

— Хорошо, — сказала она. — Идёмте в лазарет.

Часть 3: Врач и Хищник

Лазарет «Ковчега-7» располагался в бывшем цеховом помещении — большом, светлом, с высокими потолками и рядами окон, через которые проникал дневной свет. Койки, разделённые простынями на импровизированные палаты, были заполнены. Двадцать три пациента. Ожоги. Переломы. Инфекции. Старые раны, которые неправильно зажили и теперь гноились. Один случай аппендицита, который требовал немедленной операции — Анна, не имея хирургических навыков, просто давала пациенту антибиотики и надеялась, что обойдётся.

Я обходил палаты, и мир вокруг меня сужался до знакомых клинических рамок. Пациент. Диагноз. План лечения. Этот ритм был для меня естественным, как биение сердца — или того, что заменяло мне сердце. Мои руки двигались сами, оценивая пульс, проверяя зрачковые рефлексы, пальпируя воспалённые ткани. Моё сознание, разделённое между клиническим анализом и данными Системы, работало с эффективностью, которую я не демонстрировал уже несколько недель.

И люди реагировали на это. Сначала с опаской — мои холодные руки, моё безэмоциональное лицо, моя манера говорить короткими, рублеными фразами пугали их. Но когда я вправил вывихнутое плечо одному мужчине — быстро, точно, с минимальной болью, — страх сменился удивлением. Когда я вскрыл абсцесс женщине, которая мучилась от боли уже неделю, — удивление сменилось благодарностью. Когда я начал готовить пациента с аппендицитом к операции — благодарность сменилась чем-то близким к восхищению.

— Вы действительно хирург, — произнесла Анна, наблюдая за моей работой. В её голосе было что-то, что я не мог идентифицировать. Уважение? Или, может быть, настороженность? — Где вы учились?

— Городская клиническая больница. Ординатура по общей хирургии. Затем специализация по трансплантологии. — Я продолжал работать, не отрываясь от пациента. — Всё это было до катастрофы.

— Трансплантология, — повторила она задумчиво. — Сложная специальность.

— Да.

— И вы практиковали её после катастрофы?

Я на мгновение замер. Её вопрос был невинным, но в нём было скрытое остриё. Она хотела понять, что я делал всё это время. И мой ответ мог либо укрепить её доверие, либо разрушить его.

— Я делал то, что было необходимо для выживания, — ответил я уклончиво. — В мире, где медицина рухнула, приходится импровизировать.

Анна кивнула и больше не задавала вопросов. Но я заметил, как она бросила взгляд на мои руки — на шрамы, покрывавшие их, на бледную, почти серую кожу, которая выдавала мою мёртвую природу тому, кто знал, на что смотреть. Анна была врачом. Она могла заметить. И я внезапно осознал, что моя маскировка была более хрупкой, чем я предполагал.

Аппендэктомия прошла успешно. Я оперировал в импровизированной операционной, которую Анна оборудовала в отдельном помещении лазарета. Стерильность была далека от идеальной, но я компенсировал это скоростью и точностью. Лера ассистировала — она подавала инструменты с той же безупречной синхронностью, что и в бункере, и ни один человек в лазарете не заметил, что её движения были... слишком быстрыми. Слишком точными. Слишком нечеловеческими.

Когда операция закончилась, и пациент был переведён в послеоперационную палату, я вышел во двор, чтобы проветриться. Солнце уже клонилось к закату, окрашивая небо в грязно-оранжевые тона. Люди расходились по домам — вернее, по тем помещениям, которые заменяли им дома. Где-то плакал ребёнок. Где-то смеялись женщины. Запах готовящейся еды смешивался с запахом дыма и машинного масла.

Лера вышла вслед за мной.

— Ты был эффективен, — сказала она тихо. — Они смотрят на тебя по-другому теперь. С благодарностью. С надеждой.

— Это хорошо.

— Это опасно. Они начинают доверять тебе. Но они не знают, кто ты. Когда они узнают — их благодарность превратится в ужас. Так всегда бывает.

— Мы не обязаны раскрывать себя.

— Раскрывать — нет. Но они сами увидят. Анна уже заметила — я видела её взгляд. Она смотрела на твои руки. На шрамы. На то, как быстро заживают разрезы. Она не дура. Она поймёт. И тогда...

— И тогда мы будем действовать по обстоятельствам.

— Каким обстоятельствам? — Лера повернулась ко мне, и в её глазах был холодный, аналитический огонь. — Если они атакуют, мы будем защищаться. Это значит — убивать их. Тех самых людей, которых ты сейчас исцеляешь. Это и есть эффективность? Исцелять их, чтобы потом убить?

Я посмотрел на неё и почувствовал — нет, не гнев, но что-то близкое. Разочарование? Она говорила правду. Она всегда говорила правду. И эта правда была неудобной.

— Я не хочу убивать их, — сказал я. — Я врач.

— Ты некромант. Врач — это то, кем ты был. А некромант — это то, кем ты стал. И эти две роли больше не совместимы. Ты пытаешься усидеть на двух стульях, Лев, но стулья расходятся. Рано или поздно тебе придётся выбрать.

— Я уже выбрал. Я выбрал тебя. Группу. Выживание. Но если есть шанс сохранить хоть что-то человеческое — я должен попытаться.

— Человеческое? — она горько усмехнулась. — Твой параметр человечности — тридцать один процент, Лев. Ты на две трети мёртв. На две трети — хищник. И ты пытаешься быть врачом для этих людей. Это... противоестественно.

— Противоестественно, — повторил я. — Мы давно за пределами естественного. Мы — аномалия. Но даже аномалия может функционировать. Даже аномалия может исцелять. И я буду делать это, пока могу. Пока у меня есть эти тридцать один процент.

Лера долго смотрела на меня. Затем медленно кивнула.

— Хорошо. Я не согласна с тобой. Но я тебя поддерживаю. Потому что мы — единое целое. И твой выбор — это мой выбор.

Она развернулась и ушла обратно в лазарет. Я остался стоять во дворе, глядя на закат, и думал о её словах. «Твой параметр человечности — тридцать один процент. Ты на две трети мёртв. И ты пытаешься быть врачом». Она была права. Но в этой правоте была горечь, которую я не мог игнорировать.

Часть 4: Инцидент

Инцидент произошёл на третий день нашего пребывания в «Ковчеге-7». К этому времени я провёл ещё две операции — одну на кишечнике, другую на повреждённом коленном суставе, — и моя репутация среди жителей стала устойчиво положительной. Меня называли «доктор Лев» — с уважением, с надеждой, с той особой теплотой, которую люди испытывают к тому, кто спас их от боли. Леру называли «сестра Лера» — она всё ещё держалась в тени, но её ассистентские навыки были замечены и оценены.

Но напряжение росло. Я чувствовал его через эмпатическую связь — не только между собой и Лерой, но и в окружающих людях. Они замечали наши странности. То, как мы двигаемся. То, как мы общаемся без слов. То, как Пульс смотрит на них своими жёлтыми, слишком умными глазами. То, как мои раны заживают быстрее, чем должны. То, как Лера иногда забывает моргать — её нейро-спинальный комплекс брал на себя часть вегетативных функций, и это делало её взгляд пугающе неподвижным.

Инцидент случился на тренировочной площадке. Молодые парни из охраны, воодушевлённые слухами о нашей боевой эффективности, попросили Леру показать им несколько приёмов. Она согласилась — возможно, из скуки, возможно, из желания проверить свои навыки на новых противниках. Я узнал об этом позже, когда прибежал на крики.

К тому времени, как я оказался на площадке, всё уже закончилось. Один из парней лежал на земле, держась за сломанную руку. Второй сидел, привалившись к стене, и тряс головой — его оглушили. Третий стоял в стороне, бледный, и смотрел на Леру с выражением чистого, незамутнённого ужаса. Лера стояла в центре площадки, и её лицо было спокойным, почти безмятежным. Но я видел через имплант-глаз, как её мышцы всё ещё напряжены — она была готова к продолжению боя.

— Что произошло? — спросил я, подходя.

— Они попросили спарринг, — ответила Лера, и её голос был ровным, безэмоциональным. — Я согласилась. Они атаковали. Я контратаковала. Первый результат — перелом лучевой кости. Второй — сотрясение мозга лёгкой степени. Третий — психологический шок. Я не убила их.

— Ты сказала «не убила их» так, словно это было опционально.

— В бою всё опционально. Но ты просил меня быть осторожной. Я была осторожна.

Я подошёл к парню со сломанной рукой и опустился на колени, чтобы осмотреть повреждение. Перелом был чистым, без смещения — кость сломалась ровно посередине, словно Лера рассчитала силу удара до миллиметра. Это было хирургически точное повреждение. И именно эта точность напугала людей больше всего.

— Ты сломала ему руку за долю секунды, — произнёс один из охранников, тот самый, что стоял в стороне. — Я даже не увидел движения. Просто... хруст. И он упал. Как ты это сделала?

— Тренировка, — ответила Лера. — Много тренировок.

— Это не тренировка. — Охранник покачал головой. — Я служил в армии. Я видел, как дерутся спецназовцы. Никто из них не двигается так быстро. Никто.

— Я не спецназовец, — спокойно ответила Лера. — Я медсестра.

Это было правдой. И это было ложью. И люди это чувствовали.

Толпа, собравшаяся вокруг площадки, начала роптать. Я слышал обрывки фраз — «слишком быстрая», «как машина», «она не человек». Кто-то вспомнил, что ни разу не видел, как мы едим. Кто-то заметил, что мои руки всегда холодные, даже в тепле. Кто-то рассказал, что Пульс — не обычная собака, а что-то иное, мутировавшее, с тремя сердцами и светящимися глазами.

Михаил, который пришёл на шум, попытался успокоить людей. Но страх уже был посеян. И страх — это инфекция, которая распространяется быстрее любого вируса.

Часть 5: Приговор

Вечером того же дня нас вызвали на Совет. На этот раз состав был расширен — помимо Михаила, Сергея и Анны, в зале присутствовали ещё несколько человек. Старейшины общины. И среди них — тот самый человек, которого Аякс называл «священником». Он был высоким, худым, с длинной седой бородой и глазами, которые горели фанатичным огнём. Его звали Отец Григорий, и он смотрел на нас с выражением, которое я не мог идентифицировать как что-то иное, кроме ненависти.

— Мы собрались здесь, — начал Михаил, — чтобы обсудить ситуацию, сложившуюся вокруг наших гостей.

— Гости? — перебил Отец Григорий. Его голос был резким, скрипучим, словно несмазанная дверь. — Ты называешь их гостями? Они — не гости. Они — знамение. Чума, принявшая человеческий облик.

— Отец Григорий, — попытался осадить его Сергей, инженер. — Мы обсуждаем факты, а не религиозные интерпретации.

— Факты? — священник горько рассмеялся. — Факт номер один: этот человек называет себя врачом, но его руки холодны как лёд, а его кожа мертвенно-серая. Факт номер два: эта женщина двигается быстрее, чем любое живое существо, и ломает кости с точностью машины. Факт номер три: их собака — трёхсердечный мутант, который понимает человеческую речь. Это не факты, которые требуют интерпретации. Это факты, которые говорят сами за себя. Они — нелюди. Они — порождения Гнева Божьего. И они должны быть изгнаны.

— Они спасли жизни, — возразила Анна. Её голос дрожал, но в нём была решимость. — Лев провёл три операции за два дня. Он вылечил Родиона. Он спас Михаила-младшего от аппендицита. Лера ассистировала ему с безупречной точностью. Если они — порождения Гнева Божьего, то почему Бог дал им дар исцеления?

— Дар исцеления? — Отец Григорий усмехнулся. — Ты называешь это исцелением? Я назову это иначе. Они не исцеляют. Они изменяют. Они вскрывают тела и перекраивают их по своему образу. Ты сама говорила: после операции ткани заживают слишком быстро. Словно их подстёгивает что-то. Что-то тёмное.

— Я не говорила этого, — Анна покачала головой. — Я сказала, что регенерация пациентов ускорена. Это медицинский факт, а не чудо.

— Это колдовство, — отрезал священник. — И ты, Анна, ослеплена своим рационализмом. Ты видишь только поверхность. Но я вижу глубже. Я вижу, что эти двое — не мужчина и женщина. Они — единое целое. Два тела, соединённые незримой связью. Они общаются без слов. Они двигаются синхронно, как две руки одного организма. Это не человеческая связь. Это одержимость.

— Хватит! — резко произнёс Михаил. Он встал и обвёл взглядом собравшихся. — Мы здесь не для того, чтобы обсуждать теологические вопросы. Мы здесь, чтобы принять решение.

Лев и Лера — гости. Они пришли с миром. Они помогли нам. И мы должны решить, что делать дальше.

— Принять их, — твёрдо сказала Анна.

— Изгнать их, — отрезал Отец Григорий.

— Давайте спросим их самих, — предложил Сергей. — Пусть они ответят на обвинения. Пусть расскажут, кто они такие.

Все взгляды обратились ко мне. Я стоял перед Советом, чувствуя, как Лера напряжена рядом со мной. Через эмпатическую связь я ощущал её готовность к бою. Если сейчас начнётся атака, она убьёт их всех. Быстро, эффективно, без колебаний. И я не знал, смогу ли остановить её.

— Мы — врачи, — сказал я. Мой голос, модулированный имплантами, звучал ровно и спокойно, несмотря на напряжение. — Мы пришли сюда, чтобы помочь. Мы не угрожали никому. Мы исцеляли ваших людей. Мы делились с вами медикаментами. Мы не просили ничего взамен, кроме возможности быть полезными. Это всё, что я могу сказать в свою защиту.

— Ты не ответил на главный вопрос, — произнёс Отец Григорий, и его голос был полон холодного торжества. — Ты говоришь, что вы врачи. Но люди ли вы? — он сделал шаг вперёд и указал на меня пальцем. — Ты, Лев Мечников. Ты называешь себя хирургом. Но я спрашиваю тебя прямо: твоё сердце бьётся?

В зале повисла тишина. Я чувствовал, как все взгляды устремлены на мою грудь. Как люди задерживают дыхание, ожидая ответа. И я знал, что ложь сейчас бесполезна. Если я скажу «да», они могут потребовать доказательств. А если я скажу «нет», это будет конец.

— У меня два сердца, — ответил я, и это была правда, которая прозвучала страшнее любой лжи. — Одно — моего собственного создания. Второе — дар от павшего врага. Ни одно из них не является человеческим в строгом смысле этого слова. Но я функционирую. Я мыслю. Я принимаю решения. Я исцеляю. Достаточно ли этого, чтобы считаться человеком? Решать вам.

Отец Григорий отступил на шаг, и на его лице было выражение, которое я не мог идентифицировать. Не торжество. Скорее, ужас — ужас перед тем, что его подозрения подтвердились.

— Два сердца, — прошептал он. — Как у зверя. Как у демона.

— Как у Архивариуса, — поправил я. — Это не демонология. Это трансплантология. Но я не ожидаю, что вы поймёте разницу.

Михаил поднялся. Его лицо было мрачным, но решительным.

— Голосуем, — сказал он. — Кто за то, чтобы изгнать их?

Руку подняли почти все. Отец Григорий. Сергей — с тяжёлым вздохом, но поднял. Остальные старейшины, один за другим. Только Анна осталась сидеть, опустив голову. Она не голосовала. Она не могла.

— Решение принято, — произнёс Михаил, и его голос был глухим от сдерживаемых эмоций. — Лев Мечников. Лера. Вы изгоняетесь из «Ковчега-7». У вас есть время до рассвета, чтобы покинуть поселение. Если вы вернётесь, мы будем стрелять на поражение.

— Вы совершаете ошибку, — тихо сказала Анна. — Они — лучшие врачи, чем я когда-либо буду. Они могли бы спасти ещё сотни жизней.

— Они не люди, — ответил Отец Григорий. — И нам не нужна помощь от нелюдей. Гнев Божий пал на этот мир за грехи наши. И эти двое — живое напоминание о том, что мы натворили. Пусть уходят в Пустошь. Там им и место.

Я посмотрел на Леру. Её лицо было спокойным, но я чувствовал через связь, как внутри неё бушует холодная, контролируемая ярость. Она могла бы убить их всех. Могла бы разорвать на части этого священника, который назвал нас демонами. Могла бы доказать им, что они правы в своих страхах.

Но она не двигалась. Она ждала моего сигнала.

— Мы уйдём, — сказал я. — Но запомните: мы пришли с миром. Мы исцеляли вас. Мы просили только одного — быть принятыми. Вы отказали нам в этом. И теперь вы останетесь одни, со своими болезнями, своими страхами, своей слепотой. Я надеюсь, что ваша вера поможет вам выжить. Потому что мы больше не поможем.

Я развернулся и вышел из зала. Лера последовала за мной. Пульс, который ждал у двери, поднялся и пошёл рядом, не сводя жёлтых глаз с толпы, расступавшейся перед нами.

Часть 6: Исход

Мы покинули «Ковчег-7» на рассвете. Лампы в бункере остались далеко позади, и здесь, на поверхности, рассвет был настоящим — бледно-розовым, проступающим сквозь вечный смог, как акварель на грязной бумаге. Ворота поселения закрылись за нами с глухим лязгом, и я услышал, как засовы задвигаются, отсекая нас от мира людей.

Лера остановилась и обернулась. Она смотрела на стены «Ковчега» — высокие, укреплённые, с баррикадами из машин и мешков с песком. Её лицо было спокойным, но я чувствовал через связь что-то, что не ожидал от неё. Не гнев. Не разочарование. А... облегчение?

— Они сделали выбор, — произнесла она. — За нас. Теперь мы свободны.

— Свободны? — переспросил я. — Мы изгнаны. Мы — инородное тело, которое общество отторгло. Это не свобода. Это изоляция.

— Это свобода. — Она повернулась ко мне, и в её глазах был холодный, ясный огонь. — Мы притворялись людьми. Мы пытались вписаться в их правила. Мы сдерживали себя, чтобы не напугать их. Но теперь всё кончено. Мы можем быть теми, кто мы есть. Хищниками. Симбиотами. Чумной парой. И нам больше не нужно прятаться.

— Чумная пара, — повторил я. — Так они нас называли. Красивое название для того, кем мы стали.

— Названия не имеют значения. Имеет значение только функция. И наша функция — функционировать. Без ограничений. Без масок. Без лжи.

Я посмотрел на свои руки. Правая рука, которая когда-то дрожала, теперь была спокойна и тверда. Левая рука с когтем, который больше не втягивался под кожу, была готова к бою. Моя грудь, под слоями шрамов и хитиновых пластин, пульсировала в ритме двух сердец. Я был тем, кем стал. И назад дороги не было.

— Ты права, — сказал я. — Мы свободны. Но это свобода в Пустоши. Свобода среди мутантов и руин. Свобода без надежды на возвращение.

— Надежда — это для живых, — ответила она. — Мы функционируем. И мы вместе. Этого достаточно.

Мы двинулись в путь. Пустошь расстилалась перед нами — бесконечная, мёртвая, но полная своей собственной, извращённой жизни. Где-то вдалеке были Гончие. Где-то ещё дальше гремели обломки разрушающихся зданий. Ветер нёс запах гари, разложения и чего-то ещё — сладковатого, приторного, похожего на запах формалина. Запах Архивариуса. Или, возможно, запах нашего собственного будущего.

Пульс бежал рядом, не отставая, и его три сердца бились в унисон с моими двумя. Санитар-2-Бегун, который ждал нас за стенами «Ковчега», присоединился к нам — его гидравлические ноги ритмично стучали по разбитому асфальту. Мы были небольшой, но смертоносной

группой. Два хищника. Один фамильяр. Один конструкт. И — впереди — целый мёртвый мир, ждущий, чтобы его вскрыли, изучили, изменили.

— Знаешь, — произнесла Лера после долгой паузы, — когда они голосовали, я могла бы убить их всех. Потребовалось бы меньше минуты. Но я не сделала этого.

— Почему?

— Потому что ты не хотел этого. Ты всё ещё цепляешься за свои тридцать один процент. И я уважаю это. Даже если не понимаю.

— Спасибо.

— Не за что. — Она взяла мою правую руку в свою, и наши шрамы на ладонях — те самые, которые мы сделали во время свадьбы в морге, — соприкоснулись. — Мы — единое целое, Лев. И мы будем функционировать. В Пустоши. В аду. Где угодно. Потому что мы больше не часть человеческого мира. Мы — нечто иное. И это иное не нуждается в их одобрении.

Я сжал её руку в ответ. Коготь на моей левой руке пульсировал некротической энергией. Два сердца в моей груди бились в сложном, гармоничном ритме. Эмпатическая связь между мной и Лерой вибрировала, как натянутая струна, и я чувствовал каждую её мысль, каждое её намерение, каждую искру её холодной, хищнической любви.

Мы шли на восток, туда, где на старых картах значился «Прометей». До него было около двух дней пути через Пустошь. Там, в сердце корпорации, которая создала этот кошмар, нас ждала финальная битва. Или финальная операция. Или и то, и другое одновременно.

Но это будет завтра. А сегодня мы были свободны. Изгнанные. Отторгнутые. И — впервые за долгое время — абсолютно, пугающе, опьяняюще свободные.

Солнце поднималось над руинами, и его лучи, пробиваясь сквозь смог, окрашивали наши фигуры в золотисто-серые тона. Две тени на фоне мёртвого города. Два хищника, идущих в Пустошь. Два сердца — нет, три, если считать сердце Леры, — бьющихся в унисон.

И где-то в глубине моего сознания Система вывела финальный отчёт за этот день:

[СОЦИАЛЬНАЯ ИНТЕГРАЦИЯ: НЕВОЗМОЖНА. ПРИЧИНА: КЛАССИФИКАЦИЯ «ИНОРОДНОЕ ТЕЛО». ЧЕЛОВЕЧЕСКОЕ ОБЩЕСТВО ОТТОРГАЕТ ТО, ЧТО НЕ МОЖЕТ АССИМИЛИРОВАТЬ.]

[СИМБИОТИЧЕСКАЯ СВЯЗЬ «ЧУМНАЯ ПАРА»: УСТОЙЧИВА. ФУНКЦИЯ: ВЗАИМНАЯ ПОДДЕРЖКА И УСИЛЕНИЕ. ЭФФЕКТИВНОСТЬ ПАРЫ: 100%.]

[ПАРАМЕТР «ЧЕЛОВЕЧНОСТЬ»: 31%. СТАБИЛЕН. ДАЛЬНЕЙШЕЕ СНИЖЕНИЕ НЕ ПРОГНОЗИРУЕТСЯ. ПРИМЕЧАНИЕ: ДАННЫЙ УРОВЕНЬ ЯВЛЯЕТСЯ ОПТИМАЛЬНЫМ ДЛЯ ТЕКУЩЕГО СОСТОЯНИЯ НОСИТЕЛЯ.]

[РЕКОМЕНДАЦИЯ: НЕ ВОЗВРАЩАТЬСЯ. ПРОДОЛЖИТЬ ФУНКЦИОНИРОВАТЬ В АВТОНОМНОМ РЕЖИМЕ. КОНЕЧНАЯ ЦЕЛЬ НЕ ИЗМЕНИЛАСЬ: УНИЧТОЖЕНИЕ «БИОНИКОЙ».]

Я закрыл интерфейс и посмотрел на Леру. Она шла рядом со мной, и в её карих глазах, которые когда-то были полны тепла и страха, теперь горел только холодный, ясный огонь. Огонь хищника. Огонь симбиота. Огонь женщины, которая прошла через ад и вышла из него сильнее, чем была.

— О чём ты думаешь? — спросила она.

— О том, что мы — инородное тело, — ответил я. — И что это лучшая классификация, которую я мог себе представить.

— Инородное тело, — повторила она, пробуя слова на вкус. — Да. Это звучит правильно. Мы — то, что не принадлежит этому миру. Но мы не уходим из него. Мы меняем его под себя. Как вирус. Как инфекция. Как новая форма жизни.

— Как Чумная пара.

— Как Чумная пара, — согласилась она, и на её губах появилась та самая улыбка — холодная, острая, сверкающая, — которая была её постоянным выражением в последние недели. — Пусть они боятся. Пусть изгоняют. Пусть называют нас как угодно. Мы будем функционировать. Мы будем сражаться. Мы будем исцелять. И когда этот мир окончательно умрёт, мы останемся. Потому что мы — то, что приходит после смерти.

— Мы — то, что приходит после смерти, — повторил я, и это прозвучало как клятва.

Мы шли дальше. Пустошь расстилалась перед нами. И мы были готовы.

Часть 7: Последний взгляд

Мы отошли от «Ковчега-7» примерно на километр, когда позади нас раздался шум. Шаги. Быстрые, неровные, запыхавшиеся. Я остановился и обернулся. Из-за бархана, образованного обрушившимся зданием, выбежал человек. Это была Анна.

Она была одна. Без охраны. Без оружия. Её медицинский халат развевался на ветру, и она тяжело дышала — бег давался ей с трудом. Но она бежала, не останавливаясь, пока не поравнялась с нами.

— Подождите! — крикнула она, задыхаясь. — Пожалуйста... подождите...

Я остановился. Лера тоже. Анна подбежала к нам и согнулась, пытаясь отдышаться. Её лицо было красным от напряжения, а глаза — влажными. Не от пота. От слёз.

— Вы... вы не должны были уходить так, — выдавила она. — Я не голосовала за изгнание. Я была против. Я...

— Мы знаем, — ответил я. — Но Совет решил иначе. Это их право.

— Это не право! — Анна выпрямилась, и в её голосе была ярость. — Это трусость. Глупость. Они изгнали вас из-за страха, а не из-за реальной угрозы. Вы спасали жизни. Вы лечили людей. Вы были лучшим, что случилось с «Ковчегом» за последние месяцы. А они... они просто вышвырнули вас, потому что Отец Григорий начитался своих проповедей и решил, что вы — демоны. Это неправильно.

— Правильно, неправильно, — произнесла Лера, и её голос был спокойным, лишённым эмоций. — Эти категории больше не имеют значения. Мы функционируем вне человеческой морали. Ваш Совет принял решение, и мы уважаем его. Мы уходим.

— Но куда? — Анна посмотрела на нас, и в её глазах было отчаяние. — В Пустошь? Там смерть.

— Мы — смерть, — ответил я. — Или то, что приходит после неё. Пустошь — это наш дом. Там мы функционируем лучше всего.

Анна замолчала. Она смотрела на меня, на Леру, на Пульса, который сидел рядом и не сводил с неё своих жёлтых глаз. Она видела нас такими, какие мы есть — холодными, пугающими, чуждыми. Но она не отшатнулась. Не перекрестилась. Не назвала нас демонами.

— Вы действительно не люди, — тихо сказала она. — Я знала это с самого начала. Ваши руки. Ваши глаза. Ваша скорость. Я видела, как вы двигаетесь. Я видела, как вы общаетесь без слов. Я видела, как ваши раны заживают за часы вместо недель. Но я также видела, как вы спасали жизни. Как вы утешали умирающих. Как вы работали без отдыха, без еды, без сна, просто чтобы помочь людям, которых вы даже не знали. И я не могу поверить, что это зло. Я не могу.

— Спасибо, — сказал я. — За вашу честность. И за вашу помощь.

— Я хотела... — она запнулась, подбирая слова. — Я хотела попросить у вас кое-что.

— Что именно?

— Научите меня. — Анна посмотрела мне прямо в глаза, и в её взгляде была решимость. — Я — фельдшер. Я умею вправлять вывихи и зашивать раны. Но этого недостаточно. Люди умирают от вещей, которые можно вылечить. От аппендицита. От сепсиса. От внутренних кровотечений. Я не могу больше смотреть, как они умирают, и ничего не делать. Научите меня оперировать. Дайте мне знания, которые помогут им выжить.

Я посмотрел на Леру. Она едва заметно пожала плечами — жест, который означал «решение за тобой».

— У нас нет времени на полноценное обучение, — сказал я. — Мы уходим. Но я могу дать вам кое-что другое.

Я достал из своего медицинского рюкзака планшет — один из тех, что мы захватили в «Горгоне». На нём были записаны мои хирургические протоколы, разработанные за последние месяцы. Адаптированные для примитивных условий. Упрощённые, но эффективные. Методики, которые позволяли оперировать с минимальным инструментарием, с ограниченными ресурсами, в антисанитарных условиях. Наследие Некроманта, которое могло спасти сотни жизней.

— Здесь всё, что я знаю о хирургии в полевых условиях, — сказал я, протягивая планшет Анне. — Процедуры. Схемы. Видеозаписи операций. Вы — способный врач. Вы освоите это.

Анна взяла планшет дрожащими руками. Она смотрела на него, и по её щекам текли слёзы.

— Почему? — прошептала она. — Почему вы отдаёте мне это? После того, что они сделали с вами?

— Потому что я врач, — ответил я. — Несмотря ни на что. И моя функция — исцелять. Даже тех, кто изгнал меня. Даже тех, кто боится меня. Даже тех, кто называет меня демоном. Я исцеляю. Это то, что я делаю.

Анна прижала планшет к груди и кивнула. Она больше ничего не сказала — просто стояла и плакала, глядя, как мы уходим в Пустошь.

Мы уходили, не оборачиваясь. Но я чувствовал её взгляд на своей спине — тёплый, благодарный, полный слёз. И это чувство было странным. Не человеческим теплом — я разучился его воспринимать. Но чем-то иным. Чем-то, что напоминало... надежду? Или, может быть, просто осознание того, что мы оставили после себя не только страх.

— Ты дал им своё наследие, — сказала Лера, когда «Ковчег-7» скрылся за горизонтом. — Свои знания. Свои протоколы. Это... щедро.

— Это эффективно, — ответил я. — Анна — компетентный врач. Она сможет использовать мои методы, чтобы спасать жизни. А это значит, что моя функция продолжится даже без моего присутствия. Хирургия не умрёт. Она распространится, как вирус. Как инфекция. Как новая форма жизни.

— Как мы, — добавила Лера.

— Как мы.

Она взяла меня за руку, и мы пошли дальше — в Пустошь, в неизвестность, в будущее, которое мы сами создадим. Два хищника. Одна цель. Бесконечная свобода.

И где-то в глубине моего сознания Система обновила последний параметр:

[ПЕРЕДАЧА ЗНАНИЙ: ЗАВЕРШЕНА. ПОЛУЧАТЕЛЬ: НОСИТЕЛЬ «АННА», ВРАЧ ПОСЕЛЕНИЯ «КОВЧЕГ-7». ПРОГНОЗ: ВЫЖИВАЕМОСТЬ ПОСЕЛЕНИЯ ПОВЫСИТСЯ НА 35%.]

[ПРИМЕЧАНИЕ: ДАННОЕ ДЕЙСТВИЕ НЕ ПРИНЕСЛО ТАКТИЧЕСКОЙ ВЫГОДЫ НОСИТЕЛЮ. ПРИЧИНА ДЕЙСТВИЯ: НЕИЗВЕСТНА. ВОЗМОЖНО, ОСТАТОЧНАЯ ЧЕЛОВЕЧНОСТЬ.]

Я закрыл интерфейс. Остаточная человечность. Тридцать один процент. Меньше трети. Но достаточно, чтобы сделать что-то правильное. Что-то, что не имело тактического смысла, но имело смысл иной — тот самый, который анатомия не могла идентифицировать, но который всё ещё пульсировал где-то в глубине моей груди, между двумя сердцами.

И я был... не рад. Я разучился радоваться. Но я был удовлетворён. Потому что впервые за долгое время я сделал что-то не как Некромант, а как врач. И это было правильно.

— —

Конец тридцать первой главы.

Глава 2: Аномалия

Хирургия учит нас, что некоторые вещи невозможны. Мёртвое не оживает. Рубцовая ткань не проводит нервные импульсы. Вирус, созданный для стерилизации всего живого, не оставляет шансов на продолжение рода. Это аксиомы, на которых строится моя работа — и моё существование. Я мёртв. Я функционирую благодаря некротической энергии и механизмам, которые заменяют жизненные процессы. Мои клетки не делятся. Моя ДНК — повреждённый архив, непригодный для репликации. Мой ихор, циркулирующий по сосудам, токсичен для любой живой ткани, не адаптированной к некротическому симбиозу.

И Лера. После трансплантации нейро-спинального комплекса Сестры её организм перестроился. Он больше не был полностью человеческим. Он стал симбиотическим — наполовину живым, наполовину функционирующим по законам некротической энергии. Её иммунная система, подавленная имплантом, не атаковала чужеродные ткани. Её кровь теперь несла в себе микроскопические частицы ихора — того самого, что я ввёл ей во время свадебного ритуала. Мы были единым организмом, разделённым на два тела. И этот организм был бесплоден по определению. Так говорила Система. Так говорила логика. Так говорила сама природа вещей.

Но природа, как выяснилось, ошибалась.

— — Часть 1: Невозможный симптом

Пустошь встретила нас тишиной. Той особенной, глубокой тишиной, которая наступает после того, как эпидемия выжигает всё живое, а выжившие твари расползаются по норам заливать раны. Мы шли уже шестнадцать часов, удаляясь от «Ковчега-7» на восток, в сторону «Прометея». Местность вокруг была плоской, изрытой воронками и усеянной остовами мёртвых машин. Солнце — бледное, размытое, словно кто-то протёр небо грязной тряпкой, — клонилось к закату. Мы решили остановиться на ночлег в развалинах старой автозаправочной станции.

Санитар-2-Бегун замер у входа, перейдя в режим патрулирования. Его гидравлические ноги, которые я починил после прошлого боя, работали безупречно. Пульс обнюхал помещение, фыркнул на запах старого бензина и плесени и улёгся в углу, положив голову на лапы. Его жёлтые глаза следили за мной — он всегда следил за мной, когда чувствовал, что я собираюсь проводить диагностику. За последние недели между нами установилась связь, которая была глубже, чем между человеком и собакой. Он был моим фамильяром. Частью моей сети. И он чувствовал то, что чувствовал я.

Лера сидела на перевёрнутом ящике из-под масла и рассеянно смотрела в темноту за разбитым окном. Она выглядела... странно. Не уставшей — она редко уставала после трансплантации. Но какой-то отстранённой. Её лицо, обычно спокойное и сосредоточенное, было слегка напряжённым. Её левая рука лежала на животе — жест, которого я раньше за ней не замечал.

— Диагностика, — произнёс я, активируя имплант-глаз. — Проверка витальных функций после длительного перехода.

— Я функционирую, — ответила она, не оборачиваясь. — Нет необходимости.

— Есть необходимость. Твоё сердцебиение на восемь процентов выше нормы в течение последних трёх часов. Частота дыхания увеличилась на пять процентов. Мышечный тонус снижен на два процента. Это отклонения от твоей обычной стабильности.

— Ты следишь за моими показателями с точностью до процента? — в её голосе промелькнуло что-то похожее на иронию. — Это... мило. В твоём понимании.

— Это моя функция.

Я подошёл и встал рядом с ней. Имплант-глаз уже транслировал мне данные, и первичный анализ не показывал никаких критических отклонений. Нейро-спинальный комплекс функционировал на девяносто семь процентов эффективности. Сердцебиение — учащённое, но ритмичное. Гормональный фон — слегка изменён, но это можно было списать на физическую нагрузку или стресс после изгнания из «Ковчега-7».

Но что-то было не так. Я чувствовал это через эмпатическую связь — слабое, едва уловимое возмущение, которое не соответствовало ни одной из известных мне сигнатур. Словно в знакомой мелодии появилась новая нота.

— Лера, — сказал я, — сними куртку. Мне нужно провести более детальное сканирование.

Она повернулась ко мне. Её глаза, карие и обычно холодные, как отполированный янтарь, смотрели на меня с выражением, которое я не мог идентифицировать. Настороженность? Любопытство? Или что-то более глубокое — то, что она почти утратила после операции, но что иногда пробивалось сквозь её новую личность?

— Ты чувствуешь это? — спросила она.

— Что именно?

— Не знаю. — Она снова положила руку на живот. — Здесь. Что-то... тёплое. Очень слабое. Почти незаметное. Но оно есть. Уже несколько дней. Я думала, это фантомные ощущения. Нейро-спинальный комплекс иногда создаёт ложные сигналы.

— Когда ты впервые заметила это?

— Четыре дня назад. Утром. Сразу после пробуждения. — Она отвела взгляд. — Я не сказала тебе, потому что... это казалось неважным. Нерелевантным. Ты был занят операциями в «Ковчеге». Я не хотела отвлекать тебя.

— Ты никогда не отвлекаешь меня. — Я присел перед ней на корточки и активировал имплант-глаз на полную мощность. — Сними куртку. И рубашку. Мне нужен прямой контакт.

Лера молча подчинилась. Она сняла куртку, затем — тонкую армейскую рубашку, которую носила под ней. Её тело, покрытое шрамами, было обнажено до пояса. Я видел каждый из этих шрамов — я знал их наизусть. Тонкая белая линия на левом бедре. Грубый рубец на правом плече от кислотного ожога. Длинный, аккуратный шов вдоль позвоночника — дважды: первый раз после удаления «Поводка», второй — после имплантации нейро-спинального комплекса. И свежий шов на левой ладони — от нашего свадебного ритуала.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.